

Шпренгер Яков

Молот ведьм

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Я47

Я47 **Яков Ш.**
Молот ведьм / Шпренгер Яков – М.: Книга по Требованию, 2024. – 299 с.

ISBN 978-5-521-31554-3

ISBN 978-5-521-31554-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Последнее положение подчеркивается Климентом Александрийским, великим учителем церкви конца II века в его сочинении „Строматы“ (Разноцветные моря).

Наравне с падшими ангелами, армию дьявола составляли языческие божества древнего мира, превратившиеся в процессе развития христианства в презренных и коварных демонов. Подобно тому, как в Персии при переходе от старого язычества доисторических иранцев к религии Зороастра, прежние боги, носившие имя „дева“, стали дьяволами, подданными губительного Аримана и их культ был запрещен, а самое имя „дева“ стало употребляться для наименования дьявола, точно также греко-римские божества, как и слово „даймон“, некогда обозначавшее божество, были низведены торжествовавшим христианством с божественного пьедестала и низринуты в пучину дьявольской преисподней.

Для христиан бывшие боги стали дьяволом и демонами, т. е. превзойденными божествами, не поспевающими за колесницей истории, богами—отсталыми, богами прошлого, мнимыми и ложными богами и, как всякие пережитки, они потеряли свою божественность и превратились в ее противоположность. „Для всех отцов церкви первых трех веков,—пишет Сольдан,—не было сомнения, что боги греков и римлян были демонами... это их голос звучал в оракулах; это они вникали в птиц и животных, в храмовые статуи“ и т. д.

Но христиане могли заставить дьявола и демонов, этот хлам древнего мира, сознаться, что они вовсе не боги, а лишь мертвые боги, реально, однако, существующие.

Недаром они проявляют себя в своем старом образе и в христианском мире.

Так, знаменитый турецкий епископ св. Мартин, живший в IV веке, часто видел демонов в образе Юпитера, Меркурия, Венеры и Минервы; даже гораздо позже, через несколько столетий, епископ Райнальд из Ночеры беседовал с демоном, явившимся к нему в лице Юпитера, а также Бахуса и Венеры. Точно также ученый XIII в. Вильгардо из Равенны имел случай столкнуться с ушедшими в область преданий богами, ставшими ныне дьяволами; однажды они предстали перед ним в образе любимых Вильгардо писателей древности—Виргилия, Горация и Ювенала. Греко-римское происхождение дьявола побудило однажды Ермолая Барбаро, умершего в 1493 г. патриархом Аквилеи, обратиться к дьяволу с просьбой разъяснить ему, что означает аристотелевский термин—энтелехия.

Осведомленность дьявола должна была быть, по мнению целого ряда богословов средневековья, крайне обширной, ибо вся древняя премудрость, по сути своей ложная, но крайне разнообразная и поражающая своей пестротой, является детищем этих ныне превзойденных и ставших дьяволами богов. И не только в древней науке эти дьяволы сильны и опыты; они создали и всю материальную культуру древности и, следовательно, являются удивительно ловкими мастерами, водчими и художниками.

Отсюда—необыкновенные способности чорта, дьявола.

Это им была построена в царствование императора Адриана стена между Англией и Шотландией; ему принадлежит необыкновенная постройка моста в Шелленене (Швейцария); это он соорудил мост через Дунай в Регенсбурге, через Рону при Авиньоне и т. д. Его искусство в этом отношении так велико, что он вступил в состязание с архангелом Михаилом в деле сооружения в Нормандии самой красивой церкви. Мало того, из „Легенд веков“ Виктора Гюго известно, что дьявол стал спорить с самим богом, кому из них удастся создать

самую красивую в мире вещь. И в то время, как дьявол, засучив рукава, стал в своей кузнице ковать прекраснейшую вещь, бог из паука создал солнце, и дьявол был посрамлен. „Мертвый“ бог, бог отошедшего прошлого, поганный бог, конечно, мог быть только побежден настоящим, действительным, живым богом.

Однако, будучи всезнающей и всесторонним искусником, дьявол все свое внимание и все свои необыкновенные способности сосредоточивает на том, чтобы, как можно больше, вредить человечеству, как можно сильнее ударить по людям и как можно глубже подорвать власть бога над людьми и подчинить их своей сатанинской власти. В этом отношении нет различия между происхождением того или иного демона: павший ангел и бывший римско-греческий бог преследуют одну и ту же цель, обладают одними и теми же свойствами; основная черта их деятельности — причинение зла, вредительства, **малефициум**. Вот почему их, с точки зрения их основной деятельности, следует называть — **малефиками** (зловредителями).

Их вредительство чаще всего проявляется через людей, которых они наделяют особыми способностями, направленными ко злу, и которых обычно называют — колдунами, кудесниками, чародеями, волхвами, прорицателями, заклинателями и т. п. Непосредственно или через колдунов дьявол всегда и везде старается причинить людям физические страдания, насылает засуху, неурожай, голод, чуму, мор, проказу и иные бедствия — правда, по попушению божьему. И нравственное зло имеет своим источником дьявола и его помощников: они насаждают язычество и заставляют язычников смотреть на них, как на божество. От них исходят толкование примет и знамений, умение угадывать, равно как разные магические фокусы, чародейство, колдовство и астрология. Они враги христианской веры, толкают людей на ереси и язычество; по их наущению происходят самые жестокие гонения на христиан и на их веру. По учению св. Киприана, бывшего в III веке главою церковью проконсульской Африки, дьявол является создателем всякого церковного раскола и ереси.

И для крупнейшего авторитета раннего средневековья, для блаженного Августина (ум. 430 г.), языческие боги, которым римляне приносили жертвоприношения, были на самом деле демонами, реальное существование которых бесспорно, но злая воля которых теперь, в силу торжества христианского вероучения, может быть смягчена и ослаблена жертвоприношениями, а христианскими **экзорцизмом**.¹⁾ Без этого средства дьявол может вызвать всякие болезни и напасти, неурожай, засуху и голод. Августин же твердо уверен в возможности превращения человека в животное и говорит, что дьявол может настолько исказить лицо какого-либо человека, что окружающие принимают последнего за то или иное животное. Это предположение Августина сопровождает и другим: возможно, говорит он, что окружающие видят не самого человека, а его „фантастический“, отделившийся от него, как то происходит во сне, и принявший в силу вмешательства дьявола образ определенного животного. Этот „фантастический“ принимается Августином за неизбывный факт, ибо за него говорят бесконечные случаи во сне, когда от человека отделяется и уносится в бесконечное пространство его „фантастический“. По существу Августин ставит знак равенства между душой и фантастиком, распространяясь на тему о превращении последнего в образ животного или какого-либо человека под влиянием чародейственных сил дьявола.

¹⁾ Т. е. изгнанием дьявольских из человека, в котором засел дьявол. — См. ниже.

Может ли и тело, подобно душе-фантастикуму, носиться по воздуху? У апостола Павла, вознесшегося на третье небо, Августин не находит точного ответа на этот вопрос и потому оставляет его открытым.

Не решается Августин положительно ответить и на вопрос о том, может ли дьявол сотворить новое существо; не зная, какой дать ответ, Августин говорит, что скрытое в элементах семя дьявол „хорошо видит“ и из этого семени, используя свое умение, он „быстро“ скотачивает нужное ему животное, хотя оно им и не создается. В этом случае демон напоминает и некоторых людей, которые из разных веществ могут создать червей и мух. Он полагает также, что было бы „бесстыдством“ отрицать возможность плотских сношений дьявола с женщиной—в виду многочисленных заявлений о таковых сношениях. Разумеется, всякие дьявольские напасти как говорит Августин, происходят с божьего попущения, с разрешения бога, как это вытекает из общего учения о зле, допускаемом богом.

* * *

Подлежит ли колдун наказанию? Поскольку колдун, как орудие злой воли демона, причиняет людям вред, порчу, зло, насылая на них всякие беды и несчастья, отнимает у них сон и спокойствие, лишает их пищи и довольствия, он еще в древнем мире подлежал, как всякий преступник, суровому наказанию, в меру своего преступления.

Чем больше вреда он приносил, чем значительнее был его maleфиций, тем беспощаднее была постигавшая его кара и тем явственнее торжествовал свою победу принцип справедливого возмездия. Так как колдун находился во власти богов прошлого, служил им, то всякое поклонение отжившим богам, которые в силу своей „превзойденности“ превращались в злых, преступных демонов, было в античном мире наказуемо и наказание колдуна носило с внешней стороны религиозный оттенок, хотя по существу оно было чисто светским.

Демонослужителя или идолопоклонника (что было одно и то же) наказывали не за грех, не за веру в отжившего бога или в его изображение—икону или идол,—а за его преступление, совершенное по наущению мстящего миру бога прошлого, отставшего от „высшей“ культуры. Если римские императоры преследовали христиан, то в этих преследованиях не было религиозного момента: христиане находились во власти злых богов, демонов и идолов, которые в силу своей природы толкали их на преступления, за что христиане и терпели соответственные наказания.

Такое же отношение к колдунам воспринял на первых порах и христианский мир: возврат к идолопоклонству, который теперь означал веру в римские божества, наказывался потому, что старые боги в качестве демонов и дьявола могли подстрекать отпавших от христианства лишь ко злу, к причинению людям одних лишь бедствий и несчастий. Так как смерть от отравления особенно сильно поражала окружающих, то колдунов стали отождествлять с отравителями, и maleфиций часто даже назывался венефицием, т. е. ядовредительством.

Однако, если светская власть должна была преследовать преступных колдунов, как убийц и прочих вредителей, то и церковь, борющаяся за рост своей паствы, не могла относиться безразлично к отходу отдельных ее членов; отход ведь был тем более опасен, что мог совершаться безнаказанно, если „идолопоклонник“ не совершал никаких вредительских актов, несмотря на своего злого искушителя.

Неудивительно что церковь постепенно начала включать отпавшего члена в разряд и церковных преступников, на которых должны распространяться духовные наказания. К последним относились, в качестве особенно тяжких, отлучение от церкви и отказ в причастии перед смертью грешника; для церкви при этом не играл существенной роли размер преступления вернувшегося к старому богу преступника. Церковь наказывала не за вред, нанесенный обществу, и не за преступление, причиненное человеку, а за отпадение от церкви, за отступление от слова божьего, отступление, могущее и не сопровождаться уголовным преступлением, maleficiem. В круг колдовства—maleficia входили магия, прорицательство, гадание, обворожение и т. п., при чем колдун мог действовать чрез заклинание или всякими иными средствами, которые ему „подставлял“ дьявол.

Собор 306 г. в Эльвире самым суровым образом осуждает колдовство в виду того, что оно возможно лишь в силу возврата человека к идолопоклонству. На этой же точке зрения стояли соборы 314 г. в Анкире и 375 г. в Лаодикие, указывавшие, что представители духовенства зачастую занимаются колдовством, изготавливают амулеты и становятся заклинателями, гадалками и математиками.

С этого момента ряд соборов останавливается на страшном колдовском преступлении и включает в него поклонение деревьям, скалам, камням, источникам и т. п. Провинциальный собор 551 г. в Элюзе не ограничивается уже духовными карами и требует наказания плетью для колдунов низкого и рабского звания. Нарбонский собор устанавливает продажу в рабство для свободного человека, впавшего в идолопоклонническое колдовство. Таким образом, со середины VI в. мы видим, что церковь требует двойного наказания колдуна и привлекает к его наказанию и светскую власть. Самое преступление является таким, которое касается обеих властей; оно смешанное—*delictum mixti fori*,—даже в том случае, когда колдун не причинил вреда, не совершил maleficia.

Эти постановления соборов, равно как и аналогичные заявления папы, не могли не просачиваться в светское законодательство, хотя последнее стремилось иметь дело лишь с „зловредными деяниями“ колдунов, с учинением ими порчи тому или иному человеку, по жалобе которого и совершался суд над колдуном. Частный характер ранне-средневекового суда, где инициатива и обвинение исходили от пострадавшей стороны и где отсутствовал принцип общественного обвинения, как нельзя лучше гарантировал этот суд от преследования таких колдунов, которые, по учению церкви, были отчаяннейшими преступниками, но своими действиями не вызывали жалоб и не подавали пострадавшим повода к обращению к суду за наказанием гадалки, метателя жребия, ясновидца, вязателя узлов, „математика“ и всякого иного безобидного вида колдовства.

Оставляя в огромном большинстве случаев вне поля своего зрения не причиняющих вреда колдунов, светский суд, в то же время, осуждает тех, которые творят насилие над летающими по ючам женщинами, которых называют стригами, ламиями или масками и которых приписывают такие ужасные преступления, как высасывание энурепностей из живых людей или пожирание малых детей.

Светское законодательство считает безумием все эти рассказы и предостерегает от веры в них, подчеркивая, однако, факт существования колдунов как зловредителей (maleficorum), так и таких, которые своим колдовством не причиняют людям особого ущерба. Эдикт восточноготского короля Ротара 643 г. прямо запрещает христианам

верить тому, что женщины могут быть вампирами и высасывать внутренности из живых людей, и приказывает судьям не допускать, чтобы заподозренные в таком невозможном преступлении женщины убивались безумцами. Карл Великий пошел гораздо дальше Ротара и в своем первом саксонском капитулярии от 787 г. говорит, что смертная казнь должна постигнуть того, кто, одураченный дьяволом, верит, подобно язычнику, в существование пожирющих живых людей стриг или ламий и на этом основании убивает этих несчастных мнимых преступников.

Так светское законодательство проводит резкую грань между колдовством и „языческим безумием“. Колдун — реальность, он несет с собою малефиций своему ближнему и подлежит, как вредитель, суровому наказанию; вампир—стрига, ламия или маска не существуют и являются бредом одураченных дьяволом отдельных безумцев, совершающих тяжкие насилия над мнимыми преступниками, за что сами должны подлежать ответственности пред законом.

Но если светский суд отмежевывал себя от народных безумий, то церковные взгляды, наоборот, все более и более приближались к „народному безумию“ и вскоре овладели и светским судом.

До IX века светское законодательство упорно ставило ударение на вред, учиняемом колдунами, и в меру этого вреда устанавливало для малефика то или иное наказание; с момента же ослабления светской власти и усиления церковной начинается выпячивание религиозного характера преступного колдуна. Его ждет наказание не только за то, что он учинил ущерб людям, но и за то, что он совершил богохульство, впав во власть демона, преклонился яред силой языческого начала, и степень наказания, определяемая светским судом, соответствует все более и более величине греха, а не преступления: убийство, совершенное без специфической примеси колдовства, может быть наказано менее сурово, чем гадание или заговаривание, в котором ярко сказался элемент дьявольского навождения.

Так светский закон, ища сближения с церковью, впитывает в себя канонические элементы и не только предлагает церкви свой карающий меч, но и сам проникается ее духом и отклоняется от прежнего взгляда, видевшего в преступнике-колдуне вредителя, а не грешника.

Это загрязнение светской мысли церковными началами имело роковые последствия, когда церковь не только все более и более стала выпячивать греховный характер колдовских преступлений, но и санкционировала, расширяла и углубляла народное безумие, связанное с представлением о летающих стригах, пожирающих живых людей вампирах и живущих половой жизнью с дьяволом женщинах, способных оборачиваться в самых разнообразных животных,—все эти безумные бредни, которые так определенно и резко осудил император Карл Великий и еще до него лангобардец Ротар.

Народные верования, осужденные как безумие светским законодательством, были, как мы уже видели, настолько близки Августину Блаженному, что он говорил о полетах, о вознесении (*raptus*) человека, если не его тела, то во всяком случае его „фантастичума“, принявшего под влиянием дьявола внешний вид телесного существа.

Несмотря на огромный церковный авторитет Августина, его рассуждения о дьяволе, изложенные в „Дьявольской натуре“ и „Прорицательстве демонов“, не получили широкого освещения в теологической литературе до середины VII века, когда, опираясь на учение

Августина, епископ Исидор Севильский написал свою богословскую энциклопедию, названную *Этимологиями*. В этом сочинении Исидор подробно говорит, как колдуны вызывают град, дождь, засуху и иные перемены в природе, как они владеют умением оборотить одно животное в другое, человека в волка и другого зверя; все это для него совершенно бесспорно, хотя они ссылаются лишь на язычников, как, например, на римского поэта Горация и некоторых других. Что касается летающих ламий или масок, пожирающих и похищающих детей и являющихся демонами, сделанными из людей (*ex hominibus daemones facti*), то Исидор более знает о них из слухов, чем из достоверных фактов, хотя и имеет мало основания не доверять этим слухам. Относительно же половой жизни демона с женщиной—Севильский епископ дает более определенные данные: в этом, по его мнению, сомневаться нельзя, хотя снова у него делаются ссылки только на язычников. Этими рассуждениями церковь, в лице одного из самых видных своих авторитетов, сделала шаг в сторону народного „безумия“ и усвоила его наиболее характерные черты.

Исидор Севильский не мог быть обойденным, и его „Этимологии“ позднее комментировались и дополнялись рядом богословов, при чем все они принимали его рассуждения о ламиях, вампирах, сожительстве с дьяволом, как установленные данные, не подлежащие сомнению. В этом духе писал Рабан Мавр, известный майнцский архиепископ IX века; то же утверждал, в качестве последователя Исидора, рейнский архиепископ Гинкмар, и вся богословская литература полна описаний страшных злодеяний дьявола и его бесчисленной демонской рати.

Народная фантазия обогащается „учеными“ измышлениями, схоластическими ухищрениями и языческой мифологией. Богословская мысль питается народными суевериями и в свою очередь сеет в народе фанатизм, безумие и ужас. Как из рога изобилия, льются на обезумевшее человечество комментарии к „великим“ учителям, рассказывающие о небывалых и неслыханных дерзостях и злодеяниях дьявола. Одно его деяние страшнее другого, и монахи изощряют все свои способности, чтобы изобразить самый фантастический подвиг ставшего героем целой эпохи дьявола. Аббат Гиберт из Ножа на передает, что его собственный отец подпал под чары дьявола и потому он, Гиберт, родился на семь лет позже, чем должен был родиться. В эти семь лет отцовской импотенции к матери Гиберта явился однажды ночью дьявол в образе мужчины, готового вступить в связь с ней; однако, дьявол был своевременно прогнан добрым духом, заинтересованным в сохранении нравственной чистоты матери Гиберта.

Умением прогонять дьяволов, являвшихся к женщинам в образе мужчин, особенно отличался знаменитый проповедник Бернارد из Клерво. Он много способствовал оживлению в XII—XIII вв. учения Августина Блаженного, и благодаря Бернарду стали популярны в народе наиболее безумные деяния демонов и дьявола.

Не менее ужасные дела рассказывает в своем „Поликратике“ Иоганн из Сольсбери, большой знаток сочинений Августина и Исидора. С Иоганном по части дьявольских ужасов соперничает Петр из Блуа, распространяющийся на тему о том, как, по указанию дьявола, женщины изготовляли глиняные фигуры, а также грязевые и через их посредство мучили своих врагов или вселяли любовь в души тех, кого любили. Из ряда нормадских монастырей распространялись по северной Франции такие ужасы, что потребовалось вмешательство папы для успокоения монастырской братии и всего населения. То же

имело место в знаменитом Корвейском монастыре, откуда исходили фантастические бредни, которым, по словам аббата Вибальда из того же Корвея, не стал бы верить даже язычник. Теперь стали принимать, как нечто достоверное, что гуины произошли от демонов, что жители острова Кипра являются детьми дьявола, принявшего вид мужчины и вступившего в половую связь с женщиной. Такой дьявол уже и раньше стал называться инкубом (сверху лежащим), в противоположность дьяволу, принимавшему вид женщины и называвшемуся суккубом (лежащим снизу). Об английском короле Мерлине говорили, что он родился от инкуба и дочери-монашенки английского короля, и Вальтер Мап говорит о целом ряде лиц, родившихся точно таким же образом.

Вопрос об инкубах и суккубах делается излюбленной темой теологической мысли, и Вильгельм Парижский посвящает ей особенно много внимания; пигмеи, фавны, оборотни-волки и гиены, все они разные демоны и полудемоны, самым коварным образом распоряжающиеся судьбою людей. Фавн, по его мнению, есть смертное, не вполне демоническое существо, родившееся от инкуба и женщины.

Впрочем, Вильгельм Парижский полагает, что дьявол не в состоянии произвести на свет человека и лишь пользуется человеческим семенем, которое он вводит в женщину, становящуюся тем самым матерью.

Особенно большим авторитетом пользовался в XII-м веке Петр Ломбардский, умерший в Париже в 1164 г. Его „Сентенция“, комментировавшиеся беспрестанно почти всеми теологами до момента замены его авторитета авторитетом Фомы Аквината, подробно говорили о разнообразных деяниях, при чем вопрос о мужской импотенции, вызываемой дьяволом и служащей поводом к расторжению брака, особенно остро занимал Петра Ломбардского, раз'яснявшего, что дьявольская импотенция, в противоположность естественной (*frigiditas*), делает брак невозможным лишь в отношении одной женщины, а не вообще, а потому околованный импотенцией должен, расставшись с женой, немедленно жениться на другой. Для Петра Ломбардского вопрос о том, каким образом бог допускает расторгнуть дьяволу таинство брака, решался в том смысле, что все это совершается с соизволения бога и является результатом грехов тех, которые подпадают под дьявольское наведение. Более трудным представляется Петру вопрос о том, почему похотливый и развратный дьявол, толкающий людей на блуд, поражает свою жертву импотенцией, которая как раз тормозит чувственную деятельность человека; видимому, специфический характер дьявольской импотенции, распространяющейся только на законную супругу, благополучно разрешает головоломную проблему, выдвинутую несколькими парижскими теологами.

Само собою понятно, что все эти рассуждения, повторяемые на разные лады, отравляли атмосферу и вызвали в людях представление о вседесушности и всемогуществе дьявола, проникающего в самые интимные закоулки человеческой жизни и нарушающего его покой даже там, где присутствие посторонней и враждебной силы казалось менее всего вероятным.

Ученый характер дьявольской литературы исключал возможность колебания насчет реального существования демонов со стороны необразованной массы, которая все более и более охватывалась паникой пред грозной и таинственной силой, какой был дьявол. Эта паника вергала многих в тяжелые формы психических болезней, и люди верили в то, что они действительно околованы дьяволом, и в то,

что они, благодаря дьявольскому содействию, могут других околдовать и превращать их в орудие своей воли. Так общество в XII в. шло навстречу большой катастрофе.¹⁾

* * *

Уже давно была оставлена мысль, что сфера деятельности дьявола ограничивается исключительно некрещеными и язычниками. По своей неизреченной справедливости бог соизволяет дьяволу терзать и искушать и верующего: этим последнему предоставляется возможность добровольным, свободным выбором достичь блаженства, опозорить искушителя, укрепить в себе веру и приободрить чужую душу и совесть. Вот почему никто не может оправдываться ссылкой на дьявольское обольщение: ведь демоны вообще не в силах принуждать к греху, они лишь побуждают к нему.

Ориген не соглашается с тем, что без демонов не было бы грехов; собственные пороки людей, говорит он, ведут их ко злу, и демоны играют лишь роль толкачей, побудителей. Победенный в борьбе с дьяволом, сам несет ответственность за грех и не должен его возлагать на искушителя. Бог, по своей милости, не допускает искушения, превосходящего силы человека, и одинокий никогда не будет предоставлен во власть сразу многих демонов; к тому же человек может всегда надеяться на помощь бога. „Бог не уничтожил действия дьявола на верующих для того, чтобы последние боролись с ним, были чутки, осторожны и не опускались в бездну безделья и лени“.

Против дьявола, учила церковь есть однако, сильное средство. То—истинная христианская вера. „Христианство, по словам немецкого исследователя Сольдана, казалось, создало в своем учении оплот, за который каждый верующий смело и безопасно мог становиться, не боясь вредного действия чародейства, источник которого связывался с именем вечного врага человечества—дьявола.“¹⁾

Еще Гермас, ученик ап. Павла, упоминаемый им в „Посл. к римлянам“, говорил, что лучшим средством обезопасить себя от дьявола является богобоязненность, религиозное рвение: вера обращает в бегство дьявола, и демоны боятся истинно верующего. Упорство в сопротивлении путем набожности наводит ужас на дьявола, и только неверующий может бояться дьявола. Молитвы прогоняют его; он страшится крестного знамени и исчезает при произнесении имени Христа.

По учению Оригена, побежденный верующим демон возвращается в пучину и теряет право на искушение других. Чем чаще верующие побеждают, тем меньше становится число демонов и тем легче язычникам отказаться от их скверны. В общем, в распоряжении дьявола и его демонов остаются лишь язычники и некрещенные, в которых обретаются разнообразнейшие демоны. Вот почему при крещении необ-

¹⁾ Сольдан-Гелпе, История процессов против ведьм, 2 т., 3-е изд., дополненное Максом Бауэром, 1911 (на нем. яз.); Иос. Ганзен, Колдовство, инквизиция и процессы ведьм в средние века, 1900 (на нем. яз.); его же, Источники и исследования по истории колдовства и преследования ведьм в средние века, 1901 (на нем. яз.); Г. Расков, История дьявола, 1885 (на нем. яз.); Г. Ч. Ли, История инквизиции в средние века, 2 т., 1919, М. Гейкинг, Дьявол, изд. „Атенст“, 1930; Леман, Иллюстр. история суеверий и волшебств, 1901; Жюль Бессак, Дьявол, 1881 (на франц. яз.); Г. Лекки, История возникновения и влияния рационализма в Европе, т. I, 1871, Г. Морин, Магия и астрология в древности и в средние века, 1860 (на франц. яз.); А. Грэф, Дьявол, 1892 (на нем. яз.); Ревиаль, История дьявола, 1873 (на франц. яз.); Ж. Бессак, История христианской дьявольщины, 1882 (на франц. яз.); его же, Великие дни колдовства (на франц. яз.), 1890.

ходимо их предварительно изгнать, и экзорцизм, т. е. изгнание дьявола из новокрещеного, становится необходимым актом крещения, в со- средине III века существовал даже особый чин гонителя, имевший сначала дело лишь со взрослыми язычниками, отрেকавшимися от своих воззрений, а потом включивший в круг своих обязанностей, как вы- дыхание дьявола (exsufflation) нечистыми детьми, так и вдыхание им (insufflation) чистого божественного духа. „Выходи, нечистый дух, и дай место чистому“ — так при крещении гласил этот чин.¹⁾

Папа Григорий Великий (ум. в 604 г.) рекомендовал употребление святых мошей в качестве средства для изгнания дьявола и рассказы- вал, как ему удалось изгнать из одной арианской церкви дьявола, принявшего вид свиньи: с громким хрюканьем пустилась она бежать, когда пред ней показались моши одного святого. Тот же папа в главе „О жизни и чудесах италийских отцов церкви“ подробно распростра- нялся о дьяволах и рассказывал своему церковному служителю Петру о многочисленных чудесных приключениях из жизни епископов и мо- нахов, удачно прогонявших пристававших к ним дьяволов. Вот, например, пред нами пресвитер, обращающийся к дьяволу со словами: „Эй, дьявол, сними мне сапог!“ И дьявол, преследуя какую-то хитро- умную комбинацию, действительно появляется и готов снять пресви- теру сапог, но верующий, крестясь, прогоняет его вон.

В VIII веке святой Бонифаций, так наз. апостол Германии, при акте крещения изгоняя дьявола, говорил: „Ну, вот вы теперь отрече- лись от дьявола, его творений и всей его помпы. Каковы творения дьявола? Язычество, обращение к ядам, заговариваниям и приметам“.

Между тем, дьявольская мощь и его „попла“ росли, так что порою даже представители церкви ничего не могли поделать с дьяво- лом и должны были униженно присутствовать при его „творениях“. Так, аббат Тритемий описывает страшный 858 год, когда дьявол по- жаром уничтожил ряд домов, при чем „коварный“ ранил камнем священников, желавших помочь погорельцам и вообще бороться с огнем.

На синоде 871 года в Майнце рассказывали, как два саксонских священника считали себя набожнее и священнее самого епископа, что привлекало на их службы многочисленную толпу верующих. В нака- зание епископ Луитберт сместил одного, другим же священником овладел дьявол, который в данном случае явился исполнителем боже- ственной кары или, как говорили, министром наказаний (minister poenarum). Этот „министр“ возмущался, когда мирянина хоронили в церков- ной ограде. Так, в Генуе был погребен в церкви некто Валентин: в полночь в церкви поднялся страшный шум; сбежавшиеся сторожа увидели: двух дьяволов, связавших ноги Валентину и таскавших его из церкви. Сторожа в испуге бежали, а на следующий день в склепе не оказалось трупа Валентина: он лежал за оградой со связанными ногами. Событие это удостоилось специального обсуждения синода, который констатировал, что „происшедшее с Валентином есть чудес- ная и, вместе с тем, ужасающая история, которая не должна быть забыта во-веки“. В силу этого II-й канон вормского синода 895 года постановил: Согласно предписаниям святых отцов и в силу чудодействен- ных происшествий, отныне возбраняется хоронить в церкви мирянина.

В связи с страшным расширением радиуса действия дьявола, страх пред ним быстро увеличивается, и его всемогущество начинает

¹⁾ Изгнание это (экзорцизм) в значительной мере сохранилось по настоящее время. См. Koldewey, Der Exorzismus in Braunschweig, 1893. Книга Кольдевея, хотя и носит мест- ный характер, имеет значение для понимания современного экзорцизма во всех като- лических странах.

угрожать даже самому богу. Возможность столкновения подобных двух сил с трудностью предвидения, на чьей стороне окажется победа, пугает многих верующих, и даже авторитетные представители церкви говорят о неограниченном всемогуществе дьявола.

Веронский епископ Ратерий в середине X века счел себя вынужденным заступиться за всемогущество всевышнего и подчеркнуть, что пред ним должна все-таки преклониться мощь дьявола. Последняя была, однако, настолько велика, что римский синод 963 года с чувством досады и возмущения констатировал, что папа Иоанн XII подпал под власть дьявола, за здоровье которого он поднимал бокалы вина, призывая на помощь Юнону, Венеру и других богинь языческого мира.

Особенно внимательно богословы относились к „факту“ многочисленных обращений дьявола в домашних и неприрученных животных. Теологи определенно утверждали, что, в силу божьего попущения, дьяволу дана возможность обращать человека в животное.

Церковь не сомневалась, что в животном, происшедшем от человека, сохраняется душа, но успокаивала, что подобное животное не злоупотребляет человеческой душой и оставляет ее в покое. Епископ города Лозанны, убедившись, что с помощью дьявола кудесники и чародеи превратили многих людей в червей, саранчу, жаб, майских жуков и т. д., которые причинили массу вреда окрестным крестьянам, трижды обращался с епископской кафедры со словами и убеждениями, и угрозы к этим „страшным паразитам“, требуя, чтобы они предстали в Вифлисбурге на суд—собственной персоной или через представителей. Это обращение делалось епископом при звоне колоколов и в очень торжественной форме: крестьяне опускались на колени, трижды читали Отче наш и Ave-Maria и молились о гибели саранчи и прочей нечисти. Саранча и черви возбудили, однако, дело против епископа; им был дан защитник, но епископ выиграл дело, и во имя бога отца, сына и святого духа лозанские черви были навеки прокляты. Но сила дьявола была так велика, что не помогло даже епископское проклятие: через год Лозанна подверглась тому же несчастью—к великому позору церкви, оказавшейся слабее дьявола.—И архиепископу вормскому Адельберту пришлось убедиться в слабости церкви в ее борьбе с дьяволом: в пасхальные дни 1065 г. архиепископ излечил одного больного, но дьявол „не пожелал с этим считаться“, и больной скончался.

За 50 лет до этого случая подобные факты в большом количестве были рассказаны на синоде в Орлеане и произвели „глубочайшее впечатление“ на собравшееся духовенство, павшее духом от многочисленных доказательств всемогущества дьявола и под его руководством действующих волхвов, колдунов, чародеев, колдуний, одержимых и беснующихся.

Что удивительного после этого, что в действиях всякого крупного человека, который почему-либо казался церкви подозрительным богословская мысль прежде всего искала „дьявольской подкладки“. Даже сам папа подвергался таким обвинениям. По словам Гррера, против папы Григория VII возникло подозрение, что он действует с помощью магической книги, т. е. в сотрудничестве с дьяволом¹⁾. Всякое новшество, всякая смелая мысль, все, что уклонялось даже в очень незначительной степени от привычного мышления и повседневной жизни, вызывало представление о вмешательстве дьявола, о его персте.

¹⁾ Врим. Gferrer, Ang. Friedr., Allgemeine Kirchengeschichte, том 1, 1841—46.